

ОТКРЫТАЯ ВСТРЕЧА В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Фрагменты беседы предстоятеля Русской церкви
с жителями города

Окончание. начало на с. 1 «Кифы»

И происходит это не только в области оценки исторических фактов, это происходит и в нашей современности. Ведь еще совсем недавно считалось, что разрушение брака — это зло. Если у человека и были какие-то грехи, связанные с нарушением верности, это ведь тщательно скрывалось. У каждого совесть болела. Как говорится, идет человек налево, а совесть-то болит, говорит, что он поступает плохо. А включите телевизор и посмотрите, чему нас учат сегодня. Нас учат тому, что ничего плохого в этом нет, что каждый человек свободен, каждый человек может выбирать. Если, вступив в брак, имея детей и прожив жизнь, ты вдруг принимаешь решение изменить всей этой системе, — это твое право. Ты даже никем не порицаешься, а в художественной форме будешь еще оправдывать свое решение. И то, что вчера еще казалось грехом, злом и неправдой, сегодня становится просто альтернативным поведением человека, выбором иной альтернативы. Скажите, пожалуйста, можно было представить себе десять-пятнадцать-двадцать лет тому назад, что в большинстве европейских стран и в Америке (и я не исключаю — сохрани Бог, конечно, — что и у нас когда-нибудь) встанет вопрос о том, чтобы были уравниены в правах гомосексуальные отношения и естественные браки? Сегодня, ссылаясь на свободу человека и свободу выбора, говорят: «А почему же нет?»

Так постепенно размываются границы между добром и злом. А почему это происходит? А потому, что человечество утрачивает понятие греха. В культуру нашу, в том числе и в нашу литературу, в изобразительное искусство, в музыку, вошло ясное различие добра и зла. Грех — это зло, а добродетель — это добро. И когда было это различие добра и зла, то было ясно: если человек даже и падает и совершает грехи (а люди всегда грешили, грешат и будут грешить), то сознание греха приводит человека в раскаяние или, по крайней мере, должно приводить в раскаяние, даже если сил нет изменить что-то, даже если притяжение греха такое сильное, что невозможно вырваться из его оков. Само сознание, понимание того, что ты согрешил, было для человека спасительным. И приходил такой человек в храм, и каялся, и говорил священнику: «Грешен я, сил нет оставить этот грех». И чаще всего священник говорил ему: «А ты молись, ты попроси у Господа выхода из этого положения». И в какой-то момент всегда находилась такой выход.

Сегодня, отталкиваясь от идеи человеческой свободы и альтернативного поведения, поддержанного современной псевдокультурой, мы укореняемся в сознании того, что любой человеческий выбор правомерен. Понятие нравственности исчезает: я сам себе голова, я сам определяю, что нравственно, а что безнравственно. Вот почему такое странное впечатление производят иногда беседы с преступниками. Мне приходилось много и часто встречаться с людьми в колониях. Некоторые люди сознают свою неправду, свой грех и раскаиваются, а другие глубоко убеждены в том, что поступили правильно, и, выйдя, будут поступать так же, ссылаясь на свое право жить по собственному разумению. Это главная духовная трагедия переживаемого нами с вами исторического момента — утрачивается понятие нормы, нравственной нормы человеческого бытия, утрачивается понятие греха.

Кто-то может сказать: «Да и пусть утрачивается, нам-то что, мы вперед идём,

мы современные люди». Но есть одна загвоздка. Богу было угодно так создать человека, что человек может развиваться как личность и совершенствоваться, и общество может развиваться и совершенствоваться только в том случае, если законы общества и законы личной жизни человека соответствуют Божиему нравственному закону. Человек может не знать Библии, не читать ни одной священной книги, а жить по этому Божиему нравственному закону, потому что этот закон отражается, отображается, заявляет себя голосом нашей совести. Удивительное явление — совесть человека. Ни одна философская материалистическая концепция, ни одно учение не могут объяснить происхождение совести, внятно его объяснить. Все материалистические объяснения совести являются абсолютно неудовлетворительными, потому что совесть — от Бога. И совесть есть показатель того, живет человек по Божиему нравственному закону или он по нему не живет.

В этом смысле можно сказать и о значении веры. Вера помогает человеку сохранять этот нравственный закон: даже если человек его и нарушает, он сохраняет в сознании своем обязательность этого закона. Вера дает возможность человеку жить по Божией правде. Не всегда это удается — препятствуют сильные искушения, слабости человеческие, голос инстинкта, жизненные обстоятельства. Но если в человеческом общении сохраняется этот закон как некая норма бытия, то у людей есть надежда на будущее. Если же зло и добро смешиваются, если человек зло принимает за добро, то он начинает служить злу, а зло нежизнеспособно. Любый криминалист об этом скажет: зло нежизнеспособно. Если зло не остановит, оно всегда будет развиваться. Залез человек в карман своему ближнему в автобусе, и сошло все. Второй раз залез, третий. Потом показалось мало: а почему бы в квартиру не залезть? Раз залез, два залез, три залез, все в порядке. А тут вдруг хозяева с работы раньше времени вернулись, и кровь проливается. Зло если не останавливают, оно развивается. Но вера помогает человеку постоянно сохранять понимание того, что есть хорошо, а что — плохо.

Великое благословение Божие над Россией в том, что вся наша культура — и литература, и живопись, и архитектура, и музыка — проникнута ясным различием добра и зла, особенно наша художественная литература. И в советское время, когда голос священников не был слышен и когда никто не мог говорить так, как я сегодня могу говорить, обращаясь к вам, к тысячам людей, — тогда этот голос нашей классической художественной литературы нес нашему народу правду о Божием законе. Ведь каким был положительный герой даже советской литературы? Это был человек, воспитанный в нравственных категориях, соответствующих Божиему закону. Вся трагедия советского периода заключалась в том, что, сохранив этику, Бога исключили. А если Бога исключают, этика рушится, нравственность рушится.

Сегодня у всех нас есть замечательная возможность поддерживать нравственное чувство и поддерживать законодательство страны в соответствии с этой нравственной системой ценностей. Но для этого нужно очень много трудиться. Трудиться всем, трудиться каждому. Каждый должен понять на опыте своей жизни, что означать быть на стороне добра или на стороне зла. Потому что Бог с диаволом борется на поле человеческих сердец, и мы все вовлекаемся в эту борьбу.

О царственном священстве верных

В Евангелии одно из самых поразительных и глубоких событий из жизни Иисуса Христа описывается так: «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! Хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Или. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возвеза же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса. И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Мф.17:1–9).

У архимандрита Иова (Гечи) есть следующие слова об этом событии: «Преображение не просто открывает Божество, скрытое в человеческой природе Христа, но и призывает человека стать «причастником Божеского естества» (2 Пет.1:4), как сказал об этом апостол Петр, который был свидетелем Преображения, и как говорили вслед за ним многие Отцы Церкви. Иринеи Лионский, например, выразил это таким образом: «Слово Божие сделалось человеком и Сын Божий — Сыном Человеческим, чтобы (человек), соединившись со Словом Божиим и получив усыновление, сделался сыном Божиим». Со своей стороны Афанасий Александрийский подытожит эту идею в своем трактате о Воплощении: «Оно [Слово] воочеловечилось, чтобы мы обожились».

Евхаристия — это Таинство, в котором происходит максимальное соединение человека и Бога. В ней совершается обожение верного, причастие к богочеловеческой природе Воскресшего Христа — Нового Адама. Стать Богочеловеком — это то, к чему призван Христом человек, и это призвание реализуется именно в Таинстве Таинств...

Святые — это пример свершившегося обожения. Преподобный Серафим Саровский — это человек, который последовал за Христом в своей жизни до конца и принял от Него Дары Богочеловечества. Фаворский Свет преобразил сущность Серафима, о чем мы можем читать в пронизанной дыханием Духа «Беседе преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым»:

«Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве нашем вы усердно ждали знания, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...
— Но никто, — продолжал отец Серафим, — не сказал вам о том определенно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты не богоугодным любопытством, и говорили вам: вышших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько не хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжении Духа Святого Божьего. Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божьего...

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

Отец Серафим сказал:

— Не устраивайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как я. Вы сами теперь в полноте Духа Божия, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть».

Фаворский Свет, который пропитывает сущность верного, по духовному закону начинает струиться через него на окружающих людей и мир. «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся»³ — учил Серафим Саровский. Иными словами, если православный живет стабильной церковной жизнью, которая строится вокруг Чашы, то он преображается, и Свет преобразования начинает через него струиться на других людей, просвещая их и открывая им Бога.

Исходя из этого, каждый верный является священником (т.е. освящающим, преобразующим людей и мир). Об этом пишет апостол Петр: «И сами, как живые камни, устройте из себя дом духовный, священство, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу, Иисусом Христом... Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвестить совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованные» (1 Петр 2:5,9,10). У апостола Иоанна находим следующие слова: «Соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков» (Откр 1:6); «И соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле» (Откр 5:10), и «они будут священниками Бога и Христа, и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр 20:6).

С грустью стоит признать, что многие из православных христиан в Украинской Православной Церкви, если не большинство, не знают идеи царственного священства верных, и, что хуже, часто считают ее еретической, протестантской. А тем временем отрицание этой идеи является уходом от ортодоксии, вернее, от ортопраксии — правильной духовной жизни, потому что глубинная сущность православия живет как раз на идее царственного священства верных... Для аргументации своей мысли еще раз изложу, в чем заключается православие и церковная жизнь: Христос спасает человека, созида в Воскресении Нового Адама, и путем Евхаристии сообщает дары богочеловеческой природы верному, преображая его, обоживая. Фаворский Свет по духовному закону струится через верного, если он хранит бережно благодать и живет в Боге, на окружающих людей и в мир...

Чтобы это понять, нужно вспомнить следующие слова Христа о Себе: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин 8:12). В другом месте Писания Он называет «светом» уже не Себя, а учеников: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5:14–16).

Итак, верный призван быть священником, освящающим мир...

Именно в этом контексте стоит понимать заповедь Спасителя, которая дается Им перед Вознесением, но, ввиду печального искажения религиозного сознания многих православных, указанного выше, игнорируется полностью: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелевал вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28:19,20). Это — заповедь миссионерства, и, акцентируя внимание, она является последней, а значит, особо важной заповедью Спасителя... Миссионерство с позиции православия — это не только распространение веры, это образ жизни, когда верный как истинный священник приводит людей к Богу не столько словом, сколько делом — осящая их божественным светом, струящимся через него... Об этом писал митрополит Антоний Сурожский: «А что такое царственное священство? У нас в епархии был в этом году съезд на эту тему, о мирянах, о царственном священстве в частности. Если прислушаться

Окончание на с. 2 «Миссионерского обозрения»

В Екатеринбурге в рамках V епархиального съезда законоучителей прошел круглый стол «Организация длительного оглашения на приходе: перспективы и проблемы»

Участники круглого стола одобрили предложенную миссионерским отделом Екатеринбургской епархии программу длительной катехизации, состоящую из 12 еженедельных встреч, разделенных на 3 блока. Эта программа уже несколько лет действует в екатеринбургском храме Вознесения, где новые огласительные группы набираются дважды в месяц, в итоге одновременно в храме оглашаются 4 группы.

«12 встреч — совсем мало, мы только знакомим оглашаемого с церковной жизнью, а воцерковляется он по сути уже тогда, когда входит в нашу общину при храме. Для воцерковления человека нужно не менее года», — так начал свое выступление ведущий круглого стола о. Александр Сандырев, возглавляющий миссионерский отдел епархии.

Подчеркивалось, что после принятия в Екатеринбургской епархии «Основных принципов подготовки к крещению» каждое крещение без сугубой подготовки будет рассматриваться особо (исключением являлись случаи, когда есть угроза жизни крещаемого). После расследования на недобросовестного священника могут наложить административные взыскания вплоть до прений.

Тем не менее, участники круглого стола рассказали, что уже есть предложения в Екатеринбурге и еще одном «крупном областном городе» крестить без оглашения за 750 рублей, и «люди охотно на это идут».

Еще одной из основных трудностей при введении программы длительной катехизации на приходах участники круглого стола назвали отсутствие в епархии подготовленных катехизаторов.

«И все же главная трудность не в этом, — отметил настоятель храма во имя св. Николая Мирликийского о. Сергей Цим-

мер из г. Тавда, — а в оскудении любви и потере страха Божьего. Если мы любим своего ребенка, то не пожелаем сил и средств на его воспитание и образование. Если мы любим Бога, любим церковь, то все вопросы снимаются. Если священник видит в пришедшем того, кого ему Сам Господь привел, — пусть встретит с любовью. Если любишь — не будешь потворствовать всем его желаниям, а обучишь, чтобы он жил правильно и спасительно. У нас же часто, как в поговорке: лучше за рубль лежать, чем за два бежать».

Информационная служба Преображенского содружества КОММЕНТАРИЙ

Эти встречи о катехизации в нашем епархиальном управлении вызывают у меня смешанные чувства.

Во-первых, радостные.

Оглашение и катехизация стали желанными у нас в церкви! Даже обязательными. Норму признают нормой. Это немало для нашей епархии, где еще недавно, всего 12 лет назад, жгли книги о. Александра Менья, о. Александра Шмемана и о. Иоанна Мейендорфа. А когда мы воцерковились в 1994-м, за полтора года пройди-таки эту катехизацию по магнитофонным записям, на Пасху нас причащали по договоренности с настоятелем — больше никого не причащали...

С 1992 года катехизацию прошли в Екатеринбурге примерно 350 человек, из них почти полтора десятка стали священниками, еще большее число работают при храмах, духовных центрах и в разных отделах епархии, подавляющее большинство огласившихся в нашем братстве остались «практикующими» христианами.

Застрелыщиками полной и длительной катехизации в нашей епархии по преимуществу и являются те, кто в 1990-е огласился по системе о. Георгия Кочеткова. Так было и на этом круглом столе «Длительное оглашение на приходе». Там было много сказано, вернее, повторено из усвоенного тогда, в 1990-е. «Оглашение помогает ответственной жизни приходящего в церковь», «важно, чтобы человек не просто крестился, но узнал Христа», «нужно, чтобы человеку было куда прийти после крещения, для этого на каждом приходе должна быть община», «формирование общины — основа основ», «нельзя крестить человека, который не читал Евангелие»...

Во-вторых, грустные. Не длительность — главный критерий оглашения. Апостол Филипп такого критерия, кажется, не знал, во всяком случае, не придал ему должного значения и крестил евнуха после одной беседы (Деян 8). Оглашение должно научить человека делать выбор в пользу Бога и Христа. За такое время, которое для этого потребуется.

Согласно представленной на круглом столе концепции, длительная катехизация — это цикл из 12 академических бесед с изложением темы. Авторы сразу оговариваются, что бесед этих недостаточно. Но катехизация — это не изложение концептуальных правил веры, это научение самой вере через личное исповедание. Понятно, почему предложена эта форма бесед за столом. Так сами авторы научались вере в Преображенском братстве по принципам, изложенным в «Возможной системе оглашения» о. Георгия, именно через эту форму они обрели смысл и, надеюсь, приняли дух! Но что делать сотням священников, которые никогда не присутствовали на таких встречах? Возможны ли такие беседы и предложенные темы, например, в маленьком провинциальном городке или в деревне? (Я не говорю о том, что вполне огласительные темы смешаны с догматическими о Символе веры).

Нужно искать адекватные формы оглашения, такие, какие могут быть воспроизведены катехизаторами и восприняты людьми. Возможно, непонимание именно предложенной формы встреч вызвало резкое неприятие у некоторых участников семинара такой «длительной катехизации». Мне рассказали про двух священников, которые возмущались, что их не подымают во время голосования руки не были учтены, а потому, приняв решение таким «единогласно», не спросили, «кто против» и не дали им высказаться.

В католической традиции как место и время для огласительной встречи сохранено прежде всего Литургия оглашаемых. Оглашение заложено в самой ее ткани: в молитве, чтении Писания, проповеди и даже в ее краткости. Но как раньше, в 1990-е, страшно было говорить о катехизации, так сейчас страшно говорить об оживлении богослужения, раскрытии его духа и смысла. А для этого, прежде всего, о переводе его на понятный для оглашаемых язык, чтении тайных молитв вслух, служении вечерни вечером, а утрени — утром.

И еще. Жаль, что на этих семинарах по катехизации молчат об опыте Преображенского содружества и Свято-Филаретовского института, молчат из страха «как бы чего не вышло», говоря нам примерно такое: «ну поймите, это скандал, мы официальная структура, делаем, что можем». Жаль не из-за того, что нас не признают, мы, как известно, «рабы ничего не стоящие, делаем то, что должны делать», жалко людей. Ведь этот опыт воцерковления привел в церковь тысячи неверующих и не учить его из страха, мне кажется — думать о своем, а не Божьем.

И, в-третьих, еще раз о хорошем. Я думаю, эта трудная попытка собрать людей неравнодушных к тому, что человек войдет в церковь, дарит нам надежду «спастися хотя бы некоторым», хотя для этого и надо соблести труднейшее, названное ап. Павлом условие: стать «всем для всех». Мы неслучайно, смертельно медлительны, плохо еще знаем и понимаем традицию, но, как говорится в одной древней поговорке: «Господь и намерения целует». Поэтому, конечно, нам всем в этом нужно принимать участие, преодолевая и страх, и необязанность, и обиды, если такие остались.

Олег Глаголев
Свято-Екатеринское братство

Евангелие переведено на язык аборигенов Тайваня

Католический епископ Джон Баптист Ценг Чен-чи из епархии Гвалиен перевел Евангелие на язык аборигенов Тайваня.

Коренные обитатели Тайваня в ежедневной жизни пользуются не китайским, а языком пуюма, китайскому не родственным. Правда, большинство нынешнего населения острова составляют беженцы с континентального Китая и их потомки: на языке пуюма разговаривает всего около 2% населения.

До сих пор язык пуюма был бесписьменным, сообщают католический портал «Milites Christi Imperatoris». Поэтому епископ Ценг разработал для этого языка собственное письмо на основе латинского алфавита. Кроме того, епископ составил пуюма-китайский и китайско-пуюмский словари. Первое издание Евангелия на языке пуюма вышло тиражом в 500 экземпляров.

Богослов.ру

О царственном священстве верных

Окончание. Начало на с.1

к преподобному Максиму Исповеднику, то он говорит, что человек был создан для того, чтобы всю тварь привести к Богу, что он создан как участник двух миров: вещественного и духовного, он в себе совмещает эти два полюса. И в этом смысле всякий верующий в Церкви является священником, то есть человеком, который освящает тварь, который делает ее святой, что значит — Богу посвященной и пронизанной Божественной благодатью⁴.

Церковь призвана освятить все сферы человеческой жизни, пропитать их светом истины. В этом богочеловеческом творческом процессе должен участвовать каждый православный как священник, иначе его духовность ненормальна... «Раскол жизни на «светскую» и церковную», — писал прот. Сергей Булгаков, — внецерковность и внеерелигиозность (отчасти же и антицерковность и антиерелигиозность) современной культуры и внекультурность (отчасти же и антикультурность) современной церкви вносят разлад и двойную бухгалтерию даже в души тех, кто сознает всю историческую относительность и внутреннюю ненормальность этого раздвоения. Создать подлинно христианскую, церковную культуру и возбудить жизнь в церковной ограде, внутренне победить эту противоположность церковного и светского — такова историческая задача для духовного творчества современной церкви и современного человечества.

Высказанная мысль, вероятно, оскорбит многих церковных людей старого закала. Церковь мыслится ими как совершенная полнота благодатных даров, которую нужно только хранить согласно преданию, и поэтому речь о новом творчестве, по мнению их, будет неуместна. Такому воззрению на церковь, согласно которому ей приписываются лишь функции охранительные, консерватизм предания, мы противопоставляем идеал церкви творческой, растущей, развивающейся. Как учреждение богочеловеческое, она имеет неподвижную мистическую основу в лице своего Божественного Главы и содержит истинное догматическое учение о Нем, но другой стороной своего бытия она предполагает человеческую стихию, развивающуюся исторически в границах пространства и времени. Взаимодействием мистической основы и человеческой стихии и обуславливается исторический прогресс церкви, призванной вводить историческое человечество в сферу Царства Божия. Поэтому

Поучение Христа апостолам.
Мозаика. кон. IV в., собор Сан-Лоренцо-Маджоре, Милан

было бы также ошибочным ограничивать и область влияния церкви, а следовательно, и церковной жизни, или, точнее, жизни в церкви какой-нибудь одной узкой сферой, например, богослужению или храмового благочестия. Благодаря этому неправильному сужению понятия церкви в привычном словоупотреблении она обычно понимается лишь как церковно-храм, но не как церковно-человечество, церковно-культура, церковно-общественность, и это сужение сферы влияния и жизни церкви и является главной причиной, а вместе и симптомом ее исторической слабости в данный момент. По идее религия, а следовательно, и церковь как область религиозной жизни должна быть всем, распространяясь на все области жизни верующих. Не должно быть ничего принципиально «светского», не должно быть никакой нейтральной зоны, которая была бы религиозно индифферентна, не имела бы того или иного религиозного коэффициента. Духовная деятельность исторического человечества, т. е. культура, охватывающаяся и во внешних материальных объектах, и в продуктах духовного творчества, должна вырастать также на духовной почве церкви, в церковной ограде, ею должны святиться, входя в интимное общение с ней, все стороны жизни. Но известной степени осуществлению это требование в средние века, но ценю духовного эсцитизма, пора которого всегда миновала. За свое отрицание прав свободного творчества средневековая церковь поплатилась, с одной стороны, гуманистическим отторжением от нее наиболее деятельной ее части, а с другой — своим соб-

ственным духовным оскудением. Следствием угашения духа и враждебного противопоставления стихий светской и церковной и явилось вырождение, извращение церковной жизни и деятельности за пределами храма. Церковная организация стала не творческой, но консервативной и даже реакционной силой истории, оказавшись в естественном и прискорбном союзе с темными историческими силами, при этом унижаясь до роли, совершенно не соответствующей ее достоинству. Но если церковная организация не должна остаться навсегда крепостью обскурантизма и реакции и быть приютом более для усталых и отсталых, чем для работников и мужей, то необходимо должна начаться, рядом с общей молитвой, и общая соборная жизнь в церкви, жизнь, полная духовных даров, в том размахе и диапазоне, от которого не может и не должен отказаться современный человек, даже если бы он этого хотел, а следовательно, должно начаться и культурное творчество. Церковная ограда должна вместить в себе не один только дом для инвалидов и богачей, для которых в ней находилось место до сих пор, но и рабочую мастерскую, и ученый кабинет, и художественную студию. Должна вновь возродиться церковная жизнь, но не на основе инквизиционного режима, а на основе свободного общения и соборного творчества, так чтобы для участия в творчестве культуры не нужно было удаляться в «страну далече», за пределы соборной жизни и церковного общения.

Итак, христианская культура, церковное творчество, направленное ad extra, — такова всемирно-историческая задача, которая ставится нашему веку. Не наше дело спрашивать, в какой мере осуществима эта задача, — это решит за нас Вышняя воля, мы только должны определить, действительно ли она существует, и, если да, должны посылить работать для ее разрешения⁵.

Подводя итоги, скажу, что один из самых важных вопросов, который должен поставить перед собой каждый верный, звучит так: струится ли через меня Фаворский Свет и согревают ли его лучи ближних? Положительный ответ на этот вопрос выдает в верующем истинного верного.

Павел Минка
преподаватель религиоведения Днепропетровского гуманитарного университета

1 Арх. Иов (Геча). Преображение мира

2 Беседа преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым. К., 1999. С.5-16.

3 Афоризмы и религия. К., 2004. — С.56.

4 Митрополит Антоний Сурожский. О слышании и делании.

5 Булгаков С.Н. Христианский социализм: споры о судьбах России Новосибирск, 1991. С.73-76.